

Архимандрит АНДРЕЙ КАНАНОС «Сделай 2 шага и попадешь в Рай»

СДЕЛАЙ ДВА ШАГА И ПОПАДЕШЬ В РАЙ

Слово о принуждении себя. Часть 1

[Архимандрит Андрей \(Конанос\)](#)

Вот этот сегодняшний день – не какая-нибудь рутинная, а что-то такое, что больше никогда не повторится на этом свете. Время проходит и уходит, но оно может принести тебе какие-нибудь неожиданности, новые послания, новое присутствие Бога в твоей жизни, новое ощущение Его благодати в твоей душе, чтобы ты пережил что-нибудь новое в своих взаимоотношениях с людьми, близкими, с любимым, ребенком, супругой (супругом), или же с братьями, если ты в монастыре, или с кем-нибудь из коллег, если работаешь. Время может принести что-нибудь новое – вот как его надо проживать и как думать, чтобы день твой обретал уникальный смысл, высшую ценность.

В одном месте «Октоиха», этой церковной книге, говорится: «Стань, душа моя, великим купцом»^[1]. То есть надо научиться торговать временем, приобретать великое и быть не обычным торговцем, а крупным, иметь не маленький магазинчик в этой жизни, а большое «предприятие» в раю.

Но приветствую и тебя, сидящего в маленьком магазинчике. Говорю, что и ты, сидящий там, тоже можешь стяжать рай, как тот башмачник из Александрии, что стяжал Царство Божие. О нем сказано, что в очах Бога он был больше святого Антония Великого, хотя и был простым башмачником^[2]. Молю Бога, чтобы и ты жил так же, как он.

Я радуюсь, когда вижу людей, правильно понимающих церковные вещи. Мне это очень нравится. Это же замечательно – жить в Церкви, быть христианином и знать, как правильно делать то, что делаешь, знать, почему ты христианин, знать, во что ты веришь, знать, почему ты делаешь то, что делаешь, улавливать не форму, а суть вещей. Конечно, без формы сути не бывает. У всех ведь плодов есть какая-нибудь оболочка, кожура, но мы же не будем останавливаться на оболочке, презрев суть нашей веры, суть Православия.

И сейчас, говоря о плодах и кожуре, я вспомнил, что написано в книге отца Ефрема Аризонского о его старце Иосифе Исихасте^[3], где сказано, что там, где они тогда подвизались, в Малом скиту святой Анны (они переходили с места на место), у них стояло апельсиновое дерево, и старец велел им есть апельсины с кожурой:

– И для экономии, – там не много было такого, что можно было бы поесть, – и для смирения и аскезы! Здесь, на Святой Горе Афон, всё благословенно! Здесь всё – благословение! Это ведь сад Пресвятой Богородицы. Так что будете есть их с кожурой!

Так они их и ели – и кожуру, и плоды.

Я уже говорил вам, что эта книга понравилась и мне лично, и всем, кто мне о

ней рассказывал. На меня она подействовала очень отрезвляюще. Если хочешь бодрствовать, если хочешь, чтобы сон бежал от тебя, почитай эту книгу. В ней видно, какую борьбу вели люди, как усиленно подвизались они в мире сем, как много боролись. Но я сейчас не буду говорить об этой книге, это можно сделать в другой раз.

Нет ничего хуже, чем быть христианином, не зная, почему ты христианин

Мне очень нравится, когда я вижу людей, радующихся церковной жизни. И скажу тебе кое-что между нами. Нет ничего хуже, чем быть христианином, не зная, почему ты христианин. Это крайне мучительно, крайне изнуряюще – и для тебя, христианина, потому что ты мучаешься и терзаешься, не зная, зачем делаешь то, что делаешь, но и для других тоже – ты создаешь трудности и для других. Потому что то, что ты хочешь сказать и передать им, получается не нежным прикосновением к ним, то, что ты говоришь им, не становится невидимым переходом в их жизни, нет – ты расцарапываешь им душу.

Старец Паисий говорит, что когда хочешь почистить глаз ребенку, не хватаешься за щетку для посуды, потому что ею ты разодрал бы ему глазик, а берешь мягкий платочек или пальцем нежно притрагиваешься к глазу ребенка. Точно так же, когда не живешь как следует тем, о чем говоришь, у тебя всё равно что оказывается в руках грубая щетка, с которой ты берешься исправить другого. А поскольку ты сам не живешь, как должно, тем, о чем хочешь сказать ему, то он начинается противиться. Он не слышит тебя так, как хотелось бы.

Поэтому было бы хорошо, чтобы мы воспринимали вещи красиво, жили церковной жизнью с удовольствием, наслаждением, красотой, благодатью, благоуханием, если хочешь. Вложи всё хорошее в свой ум, чтобы смочь, когда подойдешь к другому, сказать ему что-то, показать что-то – и он бы почувствовал твою радость, почувствовал твою красоту, твою перемену, почувствовал твое счастье. И чтобы то, что скажешь ему, оказалось для него нежным прикосновением, и он это воспринял. Это было бы замечательно.

Но чтобы это произошло, надо, чтобы, прежде всего, ты сам понял, что то, чем ты живешь, бесконечно велико. А ты сам понял, что значит, что ты

Божий человек? Многие говорят:

- Наша религия - очень хорошая! У нас самая хорошая религия!

Для начала скажу тебе кое-что, и не пойми этого превратно. Мы привыкли к этому слову - «религия», но ведь наша вера - это не религия. И давай скажу тебе почему.

Существует очень много религий. А знаешь, что такое религия? Религия - это опыт, который совершает человек, чтобы достигнуть Бога. Мы говорим: «Это религиозное явление», - т.е. душа человека стремится достичь какого-то бога и создает себе бога, - потому у нас и существует столько религий. Это и значит религия: человек как-то представляет себе Бога, хочет вырваться за границы этой земли, он не выносит замкнутости в мире сем, не может превозмочь боль, болезнь, смерть. У него умирает ребенок - он не знает, как это превозмочь, слышит гром, видит молнию, обрушивается наводнение - он не знает, как объяснить себе это, и начинает что-то придумывать. Кто? Человек. Он создает религию, т.е. религия - это попытка человека из мира дольного оказаться высоко, рядом с Богом. Это движение от земли к небу.

Наша вера - не религия,

а Божие Откровение

У нас, дорогие друзья, нет религии в этом смысле - мы живем Божиим Откровением. Наша вера, Церковь, Православие - не религия в том смысле, чтобы мы ее якобы создали, а Божие Откровение. Не мы создали себе какое-то представление о Боге. Это Бог Сам пришел, нашел нас и сказал невообразимые вещи, о которых мы и помыслить не могли. Мы сами не могли бы сказать такого.

Покажу тебе, например, как явствует из Священного Писания, что евангельские слова - не слова какой-нибудь религиозной группы. Почему? Это заметил [старец Софроний \(Сахаров\)](#). Наш Христос говорит: «Любите врагов своих!» (ср. Мф. 5, 44). Возможно ли, чтобы я, как человек, когда-нибудь сам сел и придумал эту заповедь? Невозможно. И одна только эта заповедь, одни только эти слова Христа доказывают, что Христос не простой человек, а Бог, потому что только Бог мог сказать нам это. Мы и представить себе не можем, как можно любить наших врагов. И возражаем Богу, и

говорим Ему...

На днях одна женщина поспешила подойти ко мне в церкви и исповедать такое:

- Отче, прежде чем увидеть вас в официальный день Исповеди, позвольте сказать вам это, чтобы мне стало полегче.

- Что?

- Я была на свадьбе и встретила там близкого человека, с которым мы когда-то судились. Он протянул мне руку, а я не ответила! Развернулась и ушла!

Она не могла возлюбить этого человека, родственника, свою кровную родню - не могла возлюбить его. И тут приходит Христос и говорит нам, чтобы любили не просто друзей, родных, дорогих нам людей, а своих врагов. Ты такое видел? И одно только это, уже одно это доказывает, что пространство, в которое мы шагнули, - это пространство Откровения Бога, явления Бога. Сам Бог приближается к нам и дает такую мощную заповедь, которая стирает наши границы и простирает человеческую природу до высочайших точек, до которых только можно дотянуться. То есть Бог дает нам возможность подняться очень высоко благодаря Его силе, благодаря Его благодати. Потому что я начну отвечать Христу и скажу:

- Господи, да как же я это сделаю, когда я и своих-то иногда не могу возлюбить? Как я возлюблю врагов?

И Христос отвечает:

- Я даю заповедь - Я даю и благодать, Я даю тебе и силу сделать это. Сам ты не можешь! Без Меня вы ничего сделать не можете (ср. Ин. 15, 5)!

Мы призваны превзойти человеческое и прикоснуться к Богу, чтобы свойства Бога вошли в нашу жизнь

Видите? Очень важно чувствовать, что ты движешься в пространстве, где переплетаются Божественное и человеческое: мы живем в пространстве Церкви, где призваны превзойти человеческое, выйти за границы этой земли,

этого творения – и прикоснуться к бескрайнему Богу, прикоснуться к любви, вечности, свету, добру, чтобы Божественные свойства Бога вошли в нашу жизнь. Это нелегко.

Было бы чудесно, чтобы другой ощутил этот вкус, стал чувствовать и догадываться, что «сейчас рядом со мной находится удивительный человек», который не просто верит, т.е. посвятил себя чему-то – как кто-нибудь посвятил себя йоге, буддизму, индуизму, – и у него есть какая-то религия – нет, мы ничему себя не посвящали, а просто упали в объятия Бога, Который явился в мире и призывает нас сделать большой шаг из противоестественного состояния в естественное, а оттуда – в состояние сверхъестественное. Чтобы у нас имелись Божественные переживания.

Поэтому я снова говорю, что мне очень приятно, когда вижу людей, понимающих, что Церковь – это не какая-нибудь религия, а движение, которое сделал Бог и нашел нас. Мы были – как бы это сказать? – мы были во мраке и тени, но обрели истину. Мы не знали, как найти Бога и как Его представить себе правильно. Спрашивали себя: «Каким образом существует Бог?» – но не узнавали Его. А Он пришел и нашел нас. Ты это понял?

Поэтому, когда кто-нибудь говорит тебе: «Да это говорят попы! А другие, такие же люди, написали Евангелия!» – ты скажи: «Но как же они их написали, когда даже те, кто поучает, сами этого не применяют? Тебя это ни о чем не заставляет задуматься?»

Евангелие превосходит меня самого, оно берет меня за руку и поднимает в бесконечность

Да и я сам, говорящий это, тоже этого не исполняю. А почему? Потому что не я это говорю, я это просто передаю. Я сам не могу делать того, что написано в Евангелии, хотя читаю это каждый день, и в храме тоже читаю это и проповедую. А почему? Потому что Евангелие превосходит меня самого, потому что оно берет меня за руку и поднимает в бесконечность, которой я не могу достичь.

Бог делает это. Поэтому, когда в Евангелии написана какая-нибудь заповедь, она не исходит от какого-нибудь человека, заинтересованного в том, чтобы тебе что-то сказать, или стремящегося добиться чего-то при твоём посредстве, направить тебя, руководить тобой, контролировать твою

личность, твои эмоции, инстинкты, желания. Эти вещи говорит не какой-нибудь человек. Сам Бог говорит это, Творец говорит, Тот, Кто создал тебя, говорит, Тот, Кто знает тебя, как никто. Понимаешь?

Разве Создавший тебя не знает тебя? А разве не Бог тебя создал? Давай-ка спрошу тебя: а где ты был несколько лет тому назад? До того как родиться. Где ты был? Где ты был до того мгновения, когда твои родители соединились, ты был зачат и вошел в утробу своей матери? Где ты был? Где?

Когда я думаю об этом, у меня ум за разум заходит. Ведь существует дата, до которой меня не было. Есть конкретный момент, одна секунда, в которую я был зачат в утробе моей матери и стал существовать. А где я был до того, как родиться? Тот, Кто создал меня Своими руками, Кто создал Адама и всякого нового, рождающегося человека, – Этот Бог и говорит в Церкви. Он дает заповеди, Его мы любим, ради Него ходим в церковь, и в этом смысл нашей веры – приблизиться к Тому, Кто всегда существовал, существует и будет существовать. Не здания, не попы, не рясы, не формы, не что-нибудь наружное, а суть.

Поэтому, когда другой видит, что ты человек, который постиг суть вещей, а если и не постиг, то метишь в самую суть, и понимает, что ты в жизни исполняешь и формальные обязанности... Как мы говорим (монахи говорят):

– Что ты делаешь?

– Мне сейчас надо исполнить свою обязанность.

Они исполняют свое правило: поклоны, пост, молитву, бдение, четки, всё такое. Хотя это и называется формальными обязанностями, но они их не оставляют, потому что знают, что через них мы прикасаемся к бескрайнему Богу, Который выше любых схем, цветов, идей, фантазий, выше всего человеческого.

Когда твои глаза сияют оттого, что видят лучик, исходящий от лика Христового, другие принимают тебя всерьез

...И когда ближний увидит, что тыходишь к нему с этим чувством, с этим духом бескрайности, с этим благоуханиемрая, с тем особенным, что несешь в себе, и когда твои глаза, как говорит старец Паисий, сияют оттого, что

видят хоть лучик, исходящий от лика Христова и рая, другие это понимают и принимают тебя всерьез. Потому что понимают, что ты тоже всерьез отнесся к одному очень важному вопросу – вопросу нашего спасения, вопросу моей души, вопросу о том, зачем я живу, куда иду, куда уйду? Как я буду жить сейчас, всегда и после смерти – но и сейчас тоже. Понимаешь?

Когда говорю я или ты, другой против нас восстает. А когда говорит какой-нибудь святой человек, такой, у которого есть благодать Святого Духа, благодать Божия в душе, его слова нас трогают. Он может сказать нам и что-нибудь суровое, например:

– Оставь эту девушку! Это нехорошо – то, что ты делаешь! Эта связь, которую ты завел, – грех. Вы ведь не женаты!

Человек слышит это от святого, и душа его смягчается. А услышит от тебя или меня – и начинается злиться. И говорит:

– Да оставьте вы меня в покое! Я буду делать то, что хочу! Это говорите вы!

Как жаль. Как жаль! И ты говоришь себе: «Он не слышит. Как жаль (это я о себе говорю), что я не убедил его в том, что то, что я говорю, – это Божественное, а не мое, не человеческое, не моя настырность. Это не человеческая, а Божественная заповедь».

Мало говорить другим о Божественных заповедях, главное – говорить о них по-Божественному. Понимаешь? Люди потому и не меняются.

Евангелие существует, проповеди произносятся, беседы выслушиваются, делаются заявления, читаются окружные послания, а люди не меняются. Потому что здесь недостает не знаний и информации, а благодати, которая прошла бы через это оглашение. Оглашать значит вот что: я издаю звук, который входит в ухо другого, – некий звук, ты слышишь голос, но голос этот должен давать сладкий толчок, который коснется другого и повлияет на него.

Мы говорим, а нас никто не понимает, никто не придает нам значения, потому что мы еще не поняли, что существуем в пространстве Божественных откровений и явлений. Это я говорил вначале. Когда ты это поймешь, то всё воспримешь иначе и скажешь:

- Ах, мой друг! Сейчас говорит не священник, не духовник такой-то, не батюшка такой-то и т.д., а Сам Бог говорит через него!

Бог, Который является не моим изобретением, не плодом моего воображения, но Откровением. Небеса распахнулись, и Бог сошел на землю. Бог Сам пришел и нашел нас. Мы в слепоте своей не знали, куда идти, во что верить. Любили животных и стали обожать их, обожествлять, стали превращать творение в бога, а Бог пришел и открыл нам истину. Слова Христа Божественны.

Если мы поразмыслим обо всем, что переживаем в Церкви, если как следует, правильно усвоим себе это и поймем, что пространство, в котором движемся, - это Божественное пространство, а то, что мы говорим, - это не человеческое, тогда перестанем притеснять других, даже самих себя, и не будем ощущать никакого давления.

Я не ощущаю давления в Церкви. Я не могу оставаться там, где чувствую давление, где задыхаюсь, - вот это я подразумеваю под давлением: когда я чувствую, что задыхаюсь, что не могу там находиться, что не выношу этого. И я не хочу, чтобы ты становился Божиим человеком, если ты этого не выдержишь. Если ты чувствуешь то, что некоторые называют удушьем:

- Но я не выдерживаю в церкви!

- Не выдерживаешь в церкви? А что ты имеешь в виду?

- Я не могу найти общий язык с мамой!

Вы видели? Заметьте явные ошибки. Иначе говоря, для него Церковь - это его мать, это то, что она говорит ему и как она говорит. И знаете, что я ему сказал?

- Согласен! Я с тобой согласен! И маме твоей тоже скажу об этом, когда она придет!

Невозможно, чтобы этот печальный результат был, так сказать, церковным, невозможно, чтобы Богу хотелось видеть тебя таким, невозможно, чтобы Бог наш, Сладчайший Иисус (как говорит св. Никодим Святогорец в своих молитвах^[4]), ходивший по земле, евский и пивший с нами и бывший вместе с

нами в боли и радости, к Которому шли и льнули детишки, радовались Ему и не хотели от Него уходить, – разве возможно, чтобы это Христос вынуждал тебя сейчас сказать: «Я задыхаюсь и не выдерживаю в церкви»?

Я сказал ему:

– Надо отличать одно от другого: одно говорит твоя мать, а другое – Христос!

Или даже она может говорить то же самое, что Христос, но только говорит это по-другому – и вынуждает тебя сопротивляться, нервничать, бунтовать и уязвляться. Разберись в этом. Ты ведь уже не маленький.

Она говорила и что-то другое, и ты тоже возмущался, но только не стал бросать всего тут же, а сделал правильное движение. И сейчас я тоже хочу, чтобы ты поднял бунт, восстал и против матери, и против отца, и против меня, против кого хочешь, но только чтобы ты поднял хороший, правильный бунт. Я хочу, чтобы ты взбунтовался, но только не бросая Бога, не бросая Церкви, потому что это уже называется не бунтом, а самоубийством, и тогда ты реально задохнешься, реально себя погубишь.

Я хочу, чтобы ты сказал себе: «Я не принимаю этого Христа, Которому ты учил меня, потому что это не Христос. Я протестую и стараюсь Его найти». Кого? «Истинного Бога, истинного Христа, не Того, о Ком меня учили неправильно, не Того, Кого мне всегда преподносили как гневающегося, ругающего, карающего, постоянно наказывающего, Кто всё называет грехом, Кто не позволяет смеяться, не разрешает идти никуда, Кто не допускает, чтобы тебе было приятно, и не дает порадоваться ничему».

В нас борются противоположные чувства, мы раним себя и других, и всё это – «во имя Христа»

Здесь происходит путаница, ошибка, мы исходим из неверных посылок и всё запутываем, сбиваемся с толку сами и угнетаем детей и самих себя. В нас борются противоположные чувства, мы раним себя сами и раним других, и всё это – «во имя Христа».

В другой раз я расскажу тебе о том, что всё хорошее, чего ты хочешь, – того же хочет и Бог, всего хорошего, чего ты по-настоящему хочешь. Но когда я говорю «ты», то имею в виду твое подлинное «я», не правда ли?

Приведу тебе пример. Пьяный хочет пить еще, чтобы напиться еще больше. В этот миг для него самое лучшее – это пить, и если сказать ему: «Ты пить не будешь!» – он весь измучается. Я не это имею в виду, когда говорю, что всё хорошее, чего ты хочешь, этого же хочет и Бог, потому что этот пьяный человек сейчас не функционирует естественным образом, он сейчас не такой, каким создал его Бог. Это нездоровое явление, хоть он и считает его здоровым.

Итак, давайте проясним ситуацию, но только по-хорошему. То есть ты хочешь ощущать любовь, тепло, нежность, надежность, доверие, силу, славу, власть – это слова очень хорошие и даже церковные, они существуют в Церкви. «Прославляющих Меня прославлю», – говорит Господь (ср. 1 Цар. 2, 30). Он говорит о славе. Бог хочет, чтобы у нас была слава, но какая слава?

Что такое истинная радость? Кто хочет той радости, о которой ты говоришь: «Я хочу быть счастливым и думаю, что в той жизни, которую веду, я стану счастливым». Ты ли, твое ли подлинное «я», реальные ли потребности твоей души хотят этого – или, как в случае с пьяным, – страсть, бессилие, болезнь, зависимость, которую ты у себя создал, пристрастность? Понимаешь?

Я согласен, что Бог не хочет, чтобы ты ощущал гнет, но должно стать так, как хочет Бог, чтобы ты достиг определенного состояния, о котором мы уже говорили: из противоестественного состояния перешел к естественному – и из него стремился к сверхъестественному. Противоестественное состояние – это когда я, например, ненавижу своего брата. Это не естественно, а противоестественно: своего брата нельзя ненавидеть. Отсюда я должен достигнуть естественного, того, что делают животные: любить хотя бы тех, кто любит меня, – а оттуда перейти в сверхъестественное состояние: любить даже убийцу брата своего и простить его, как сделал это св. Дионисий Эгинский^[5]. Это сверхъестественно, т.е. нам предстоит пройти еще долгий путь, прежде чем достигнем хотя бы естественного состояния.

(Продолжение следует)

[Архимандрит Андрей \(Конанос\)](#)

Перевела с болгарского [Станка Косова](#)

[Православен Свят](#)

14 января 2019 г.

Рейтинг: **9.9** Голосов: **513** Оценка: **1 2 3 4 5 6 7 8 9 10**

^[1] В Октоихе есть такой стих: *«Пожри́ душѣ, жѣртву хвалѣния Бѣгу, потщѣся и покая́ся, дѣндеже торгъ е́сть житѣ́йский: ны́не кúплю дѣ́й дѣ́брыхъ прида́яний»* (понедельник, глас 7). А слова о душе как великом купце содержатся в Великом покаянном каноне прп. Андрея Критского: *«Бди, о душѣ моя́, изря́дствуй, я́коже дрѣвле велѣ́кий в патриáрсах, да стѣ́жеши де́яние с рáзумом, да бúдеши ум зря́й Бѣга, и достѣ́гнеши незаходя́щий мракъ в видѣ́нии, и бúдеши велѣ́кий купѣ́ц»* (вторник, песнь 4).

^[2] См.: Добротолубие, т. 1. Изречения св. Антония Великого и сказания о нем, 6, 50.

^[3] В русском переводе есть два варианта этой книги старца Ефрема (Морайтиса), называемого также Святогорцем, Филофейским и Аризонским, первый вариант краткий: «Мой Старец Иосиф, Исихаст и Пещерник», а второй – более полный: «Моя жизнь со старцем Иосифом».

^[4] «Акафист Иисусу Сладчайшему», составленный прп. Никодимом, содержится в обычных молитвословах.

^[5] Свт. Дионисий Закинфский, архиеп. Эгинский († 1622), греческий святой, в месяцеслов Русской Церкви не включен.

<https://pravoslavie.ru/118553.html>